

Петербургские углы. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nekrasovniko1ai.ru/> Приятного чтения!

Петербургские углы. Николай Алексеевич Некрасов

(ИЗ ЗАПИСОК ОДНОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА)
Ат даеца. внаймы угал, на втором дваре,

впадвале, а о цене спрасить квартиернай

хозяйке Акулины Федотовне.

(Ярлык на воротах дома)

Дом, на двор которого я вошел, был чрезвычайно огромен, ветх и неопрятен; меня обдало нестерпимым запахом и оглушило разнохарактерным криком и стуком: дом был наполнен мастеровыми, которые работали у растворенных окон и пели. В глазах у меня запестрели отрывочные надписи вывесок, которыми был улеплен дом изнутри с такою же тщательностью, как и снаружи: делают троур и гробы и на прокат отпускают; медную и лудят; из иностранцев Трофимов; русская привилегированная экзаменованная повивальная бабка Катерина Брагадини; пансион; Александров, в приватности Куприянов. При каждой вывеске изображена была рука, указующая на вход в лавку или квартиру, и что-нибудь, поясняющее самую вывеску: сапог, ножницы, колбаса, окорок в лаврах, диван красный, самовар с изломанной ручкой, мундир. Способ пояснять текст рисунками выдуман гораздо прежде, чем мы думаем: он перешел в литературу прямо с вывесок. Но уважение к исторической истине заставляет сказать, что при вывеске повивальной бабки изображения никакого не было. Наконец, в угловом окне четвертого этажа торчала докрасна нарумяненная женская фигура лет тридцати, которую я сначала принял тоже за вывеску; может быть, я и не ошибся. На дворе была еще ужасная грязь; в самых воротах стояла лужа, которая, вливаясь на двор, принимала в себя лужи, стоявшие у каждого подъезда, а потом уже с шумом и журчанием величественно впадала в помойную яму; в окраинах ямы копались две свиньи, собака и четыре ветошника, громко распевавшие:

Полно, барыня, не сердись,

Вымой рожу, не ленись!

Но то, что я видел здесь, было ничтожно пред тем, что ожидало меня впереди. Угол, как уведомляла записка, отдавался на заднем дворе: нужно было войти во вторые ворота. Я вошел и увидел опять двор, немного поменьше первого, но в тысячу раз неопрятнее; целые моря открывались передо мною; с ужасом взглянул я на свои сапоги к хотел воротиться; казалось, не было здесь аршина земли, на который можно было бы ступить, не рискуя увязнуть по уши. Я решился сначала держаться как можно ближе стены, потому что окраины двора были значительно выше середины; но то была обманчивая и страшная высота, образовавшаяся от множества всякой дряни, выливаемой и выбрасываемой жильцами из окон; ступив туда, нога вязла по колено, и в то же время в нос кидался неприятный и резкий запах. Я смекнул, что лучше последовать известной пословице и, оставив в покое окраины двора, пошел серединою. Самоотвержение мое увенчалось полным успехом: через двадцать шагов, которые я по предчувствию направил к двери с навесом, прямо против ворот, я заметил, что нога моя с каждым шагом стала вязнуть менее, еще несколько шагов – и я очутился у двери, ведущей в подвал; поскользнулся и полетел... или, правильнее, поехал, – разумеется, вниз, – в положении весельчаков, катающихся с гор на масленице; сапоги по ступеням лестницы застучали, как барабан. Я летел очень недолго; ударился обо что-то ногой; вскочил, осмотрелся: темно, пахнет гнилой водой и капустой; дело ясное: сени. Ищу двери. Наткнулся на лоханку – пролил; наткнулся на связку дров – чуть опять не упал. Что-то скрипнуло, чем-то ударило меня по лбу – ив сенях стало светлей. В полурастворившейся двери я увидел женскую фигуру. Кривая и старая баба гневно спросила, что я тут делаю, потом, не дождавшись ответа, объявила мне, что много видала таких мазуриков, да у ней нечего взять, и что она сама бы украла, если б не грех да не стыдно.

Вы меня покуда еще не знаете, но, узнав хорошенько, увидите, что я человек

Петербургские углы. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
щекотливый: принять меня за вора значило нанести смертельную обиду моему костюму и моей физиономии. Я не выдержал и назвал старуху душой. Есть много людей, которые равнодушно переносят название мошенника, чем дурака; старуха, вероятно, была из таких: при слове "дура" она как-то страшно содрогнулась и взвизгнула; ямки рябых щек ее налились кровью.

– – Дура? – вскричала она запальчиво. – Я дура? Нет, молод еще, чтоб я была дура... Когда я жила в Данилове... весь Даниловский уезд знает, что я не дура... Пономарица ко мне в гости хаживала... Дура, я дура!

Старуха принялась доказывать, что она не дура, не забывая называть меня дураком и мазуриком. Из уст ее летели брызги мне на лицо и на платье. Вообразить положение, в котором она находилась, может только тот, кто видал бешеную собаку.

Я сначала хотел усмирить старуху, но, сообразив, что мяв? время дорого, а между тем она, верно, пойдет жаловаться квартальному надзирателю, и нужно будет дожидаться в конторе, а может быть до окончания дела и в арестантской, рассудил за лучшее поскорей уйти подобру-поздорову. Я уже прошел больше половины первого двора, как вдруг долетели до меня следующие слова, которые "вставили меня воротиться:

– – Ну... зачем ты пришел?... Коли ты не вор, докажи, зачем ты ко мне, буре, пришел?... В гости, что ли, пришел? Я тебя не звала... Ну, скажи, зачем ты пришел?

Я объяснил старухе причину моего прихода, и она вдруг смягчилась. Нет, она сделала больше: вынула из кармана медный пятак и советовала мне потереть им ушибленное место на лбу. Я не противился – из благодарности. Сердце мое таково, почтенные читатели, что оно не может долго питать ненависти: я простил старухе ее минутную запальчивость и отправился с нею смотреть квартиру, в которую вход был через дверь, противоположную ударившей меня по лбу.

Старуха ввела меня в довольно большую комнату, в которой царствовал матовый полусвет, какой любят художники; полусвет выходил из пяти низких окошек, которые снаружи казались стоящими на земле, а внутри были неестественно далеки от пола. Комната была вышиною аршина в три с половиной и имела свой особенный воздух, подобный которому можно встретить только в винных погребах и могильных склепах. Налево от двери огромная русская пенка с вывалившимися кирпичами; остальное пространство до двери было завалено разным хламом; пол комнаты дрожал и гнулся под ногами; щели огромные; концы некоторых досок совсем перегнили, так что, когда ступишь на один конец доски, другой поднимается. Стены комнаты были когда-то оштукатурены: кой-где сохранились крестообразно расположенные дранки, какие обыкновенно приготавливаются под штукатурку; некоторые из сохранившихся дранок, переломившись, торчали перпендикулярно; но главное украшение стен состояло не в дранках и не в остатках штукатурки: его составляли продолговатые кровавые, впрочем невинные, пятна, носившие на себе следы пальцев и оканчивавшиеся тощими остовами погибших жертв, да густые слои расположенной по углам и под окошками, в виде гирлянд и гардин, паутины, которая тонкими нитями в разных направлениях пересекала комнату, попадая в рот и опутывая лицо. Одна из досок потолка, черного и усеянного мухами, выскочила одним концом из-под среднего поперечного бруса и торчала наклонно, чему, казалось, обитатели подвала были очень рады, ибо вешали на ней полотенца свои и рубахи; с тою же целью через всю комнату проведена была веревка, укрепленная одним концом за крюк, находившийся над дверью, а другим – за верхнюю петлю шкафа: так называю я продолговатое углубление, с полочками, без дверей, в задней стене комнаты; впрочем, говорила мне хозяйка, были когда-то и двери, но один из жильцов оторвал их и, положив в своем углу на два полена, сделал таким образом искусственную кровать. Старуха была очень недовольна самоуправством жильца, но вообще отзывалась о нем весьма хорошо.

– – А кто он такой? – спросил я.

– – А кто его знает, кто он такой. Хороший человек: с паспортом. У меня без паспорта никого, я уж такая: хоть два целковых давай. Мало ли? Пожалуй, есть всякие... у иной кто хочет за гривну ночуй... а наутро ушел, глядь: у кого сапоги, у кого рубашку, голицы... в баню идти – мыло пропало... Хороший жилец. Дома почитай никогда не живет, а домой придет – спит либо пауков жучит. "Что, – скажешь, – Кирьяныч... охота тебе... с этойкой дрянью... да еще и в руки берешь!..." – "А что, – говорит, – я душеньке враг, что ли, своей, – говорит, – паука увижу да не

Петербургские углы. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru раздавлю". – "Ну дело, дело, Кирьяныч, коли не мерзит: и душе во спасенье и жильцам хорошо, и дом простоят долше". Уж как я ему благодарна: всех пауков перевел; скажи на лекарство – за рубль не найдешь! Словно в палатах княжеских... Да вот одним нехорош: за эту дрянь не люблю.

Старуха указала на небольшую, пепельного цвета, полуобритую собачонку, которая в то время вылезла из-под нар, расположенных в правом углу от двери, и, перехватывая зубами с места на место с неистовой быстротою, безжалостно кусала свои грязные ноги.

– Добро бы одну держал, – продолжала старуха, – а то в иной раз вдруг пяток соберется... поднимут вой; известно: есть хотят. Кормить не кормит, а любит; жить, говорит, не могу без собак... Шутишь! Ну да что говорить! я уж такая... Из избы сору не выношу. Вот сами увидите: у меня... я ничего не знаю... ничего не вижу...

Старуха сделала рукою выразительный знак, на который я счел нужным отвечать ей уверением, что я не занимаюсь собачьей промышленностью, и продолжала:

– А что до чего дойдет – всякий за себя, бог за всех. Паспорт есть – я не ответчица. Махнула рукой... пусть, говорю, будут собаки; мне из-за них хорошему жильцу не отказывать. Да и что худого в собаке? Такая же, прости, господи, мое прегрешение, тварь, как и человек. Еще человек иной хуже: греха на нем больше; сами извольте знать: язык... А на собаке какой грех... Ученые собаки бывают: поноску подаст, ползает, ей-богу... всё совершенно как человек; веселей с ними. Вот вы не извольте брезговать (я гладил серую собачонку), а иные... право, разуму, что ли, в них нет?... Просто дрянь, механик какой-нибудь, выжига забубенная, а туда же: стану я, говорит, вместе с собаками в собачьей конуре жить... Собачья конура!.. Известно, иной фанфарон: на грош амуниции, на рубль амбиции... Квартирка чем не квартирка; летом прохладно, а зимой уж такое тепло, такое тепло, что можно даже чиновнику жить, и простор...

– А почем вы берете?

Началась ряда и состоялась по четыре рубля в месяц. Старуха божилась, что никто так дешево не живет, и просила не сказывать остальным жильцам настоящей цены.

– Всякое вам уважение сделаю. У вас ничего... Где! Молодой еще человек: верно, уж ничего...

Я хорошенько не понимал, к чему относились слова старухи, но смело отвечал: "Ничего".

– А нельзя и без мебелики; на полу уж какое спанье; разве от бедности. Кроватку поставлю... кипятком выварю... широкая – хоть вдвоем... (старуха усмехнулась) покойно, очень покойно; только подальше от степы... ну да уж я сама и поставлю...

Я дал задатку и отправился за вещами. Перевозка стала мне в гривенник.

Когда, сопровождаемый извозчиком, я вошел с узелком и чубуками, в шинели, надетой в рукава, в мое новое жилище, кровать уже была на своем месте: в левом углу, образуемом стеною, противоположною окнам, и тою, в которой находился известный шкаф. Старуха немного прихвастнула насчет ее удобства, ибо постель была такова, что на ней двое могли спать разве по очереди; зато перед нею стоял небольшой только что выскобленный стол с отверстием в боку, доказывавшим, что в столе был когда-то и ящик. Подвал, которому поутру как будто чего-то недоставало, представлял полную, совершенно оконченную картину.

Есть обстоятельства, невольно располагающие к задумчивости при всей лепи ума и беспечности характера; Новый год, день рождения, нечаянно встреченные похороны, день переезда на новую квартиру – я знаю, что в таких случаях задумываются даже головы, которые в остальное время ни о чем совершенно не думают. Было часов около девяти; начинались светлые петербургские летние сумерки, а в подвале становилось темно. Мухи, сбираясь роями, словно добрые пчелы, с шумом и визгливым жужжанием отправлялись к потолку для ночлега. Сверчок пел за печкой; что-то ползало у меня по лицу, что-то иголкой колело в руку, – я сидел неподвижно на голых досках кровати...

Дверь скрипнула, и в комнате раздались звуки, подобные звукам кастаньет.

Я вздрогнул и поднял голову.

Серая фигура медленно шла в правый угол и, продолжая прищелкивать пальцем об палец и языком, с видом совершенной беспечности кивала мне головой.

Я молчал. Серая фигура прошла к своим нарам, села и, положив левую ногу на бедро правой, долго рассматривала сапог, говоря с расстановкой:

- - Дратва скверная... ну да и ходьбы много... а толку хоть бы на грош... даже, кажется, мозоли натер... А что вы, то есть, здешние?

- - Здешний.

- - Тэк-с! А чья фамилия?

- - Тростников.

- - Знаю. Он меня бивал. С нашим барином, бывало, каждый день на охоту... промаха ли по зайцу дашь, собак опоздаешь со своры спустить - подскочет да так прямо с лошади. А заехал сюда - здесь и побывшился... поело смерти, говорят, сердяга и часу не жил!.. Поделом!.. Не дерись с чужими людьми. Естафий Фомич Тростников... как не знать. Задорный такой. От него, чай, и вам доставалось?

- - Я не знаю никакого Тростникова, я сам Тростников.

- - Тэк-с!.. Извинтите-с... а я думал, что и вы тоже господский человек... просто с глупости... Я три недели только еще из деревни... Не бывать бы и век здесь, кабы не молодая барыня... "Собаки и люди, - говорит, - душенька, нас разоряют; не ждите любви от меня, душенька, - говорит, - покуда будут у нас в доме собаки". Спорили, спорили, да наконец и вышло решение: собак перевешать, а нас распустить по оброку... фффить (дворовый человек засвистал), катай-валяй в разные города и селения Расейской империи от нижеписанного числа сроком на один год... Вот я сюда и махнул... водой на сомине... осьмнадцать дён плыли... всё пели... попеременно гребли... Да вот что станешь делать! - и сел здесь как рак на мели: нет как нет места! Проедаюсь на своих харчах, за квартиру плачу... сапоги новые истаскал; левый совсем худехонек.

Дворовый человек, отпущенный по оброку, зажег светильню, укрепленную в помадной банке, наполненной салом; вытащил хранившийся в изголовье небольшой деревянный ящик, вынул оттуда дратву, шило и молоток; снял сапог с левой ноги и принялся за работу, напевая что-то про барыню. Русский человек любит петь про барыню.

Через полчаса дверь опять отворилась; вошел с собачонкой в руках рослый плечистый мужик лет пятидесяти, одетый в дубленый полушубок, с мрачным выражением лица, с окладистой бородой. Взгляд его, походка, телодвижения - всё обличало в нем человека рассерженного или от природы сердитого. Он прошел прямо к своим нарам (вправо от двери), гневно бросил на них собачонку, которая тотчас начала выть; перекрестился на образок, висевший над нарами; сел, потянулся, зевнул; закричал на собаку: "Молчи, пришибу!" Потом хотел погладить ее, она оцарапала ему руку, соскочила с нар и начала скребстись в дверь. Бородач бросил ей кусок хлеба; она только понюхала; он начал кликать ее к себе, давая попеременно разные собачьи названия, уродливо исковерканные, при каждой кличке останавливался и пристально смотрел на собаку; но собака не унималась. Тогда бородач, выведенный из терпения, топнул ногой и с полчаса ругал собаку, решительно не соблюдая никакого приличия в выражении своего негодования. Наконец собака смолкла и забила под нары. Бородач разлегся и принялся страшно зевать, приговаривая протяжно за каждым зевком: "Господи, помилуй! господа, по...ми...милуй!"

- - Да денег дай! - сказал дворовый человек, отпущенный по оброку.

- - Денег у черта просить, - проворчал сердито бородач. Разговор прекратился.

- - А что, Кирьяныч, - сказал дворовый человек, отпущенный по оброку, - кабы этак тебе вдруг тысяч десять... а... что бы ты стал делать?

- - Ну а ты что?

- - Десять тысяч! Много десять тысяч. Опьешься! Нашему брату, дворовому человеку, коли сыт да пьян да глаза подбиты, и важно... хоть трава не расти! да еще целовальники бы в долг без отдачи верили.

- - Ну а барин-от?

- - Барин, что барин? Оброк отдал, да я и знать-то его не хочу... а и не отдал, бог с ним... Побьет, побьет, да на воз навьет... Десять тысяч! Горячо хватил - десять тысяч, нечего попусту бобы разводить... четвертачок бы теперь-и то знатно... ух! как бы знатно! На полштофчика, разогнать грусть-тоску...

- - Ку...а...а...а... Господи, пом...ми...луй... купи.

- - Купи? Да где куплево-то? В одном кармане пусто, в другом нет ничего... Есть, правда, полтинничек... один, словно сиротинка, прижался, да ведь, знаешь сам, голова, надо и на харчи. С голоду умереть неохота. Иное дело, кабы место найти... А то вот и сегодня у пятерых попусту был... ну уж только и господа, с самого с испода! Один вышел худенькой, тощенькой... и на говядину не годится; в комнате три стула стоит, халатишко дыра на дыре... "У меня, милейший мой,- говорит,- главное дело, чтоб человек честен был, аккуратен, учлив, не пил бы, не воровал..." - "Зачем,- говорю,- воровать... хорошее ли дело воровать, сударь? дай господа своего не обозреть, кто чужому не рад. А много ли,- говорю,- жалованья изволите положить?" - "Пятнадцать рублей",- говорит. Меня инда злость пробрала... пятнадцать рублей! "Тэк-с",- говорю... (А туда же, "не пей, не воруй"... да что у тебя украсть-то, голь саратовская?) Шапку в охапку: "Много довольны... мы не из таких, чтобы грабить нагих"... поклон да и вон... К другому пришел... толстый, рожа лопнуть хочет, красная... "Мне самому,- говорит,- почитай что и человека не нужно... поутру фрак да водки подать, приду из должности - к кухмистеру сбегать, халат да водки подать, спать стану ложиться - сапоги снять да водки подать - вот и всё. Да вот,- говорит,- у меня, видишь?" - и показывает черта такого... человек не человек, черт не черт... глаза пялит, облизывается. "Я, братец, вот посмотри",- говорит,- и ну по комнате с пугалом прыгать, а оно ему на плечо... рожи строит, кукиш показывает... "Так уж любит меня,- говорит,- Будешь за ней хорошо ходить, будет и тебе хорошо; а захворает, убьется как-нибудь... и жалованья тебе ни гроша, да еще,- говорит,- и того: у меня частный знакомый и надзиратели приятели есть".- "Покорнейше благодарим,- говорю,- много довольны... за господами за всякими хаживал, а за чертями, нечего сказать, не случилось".- "Это, братец, не черт,- говорит,- аблизияна". Кирьяныч страшно зевнул.

- - Эх ты, ежовая голова! Спишь, а деньги есть... Далась тебе даровщинка. Развязывай мошну-то. На том свете в лазарете сочтемся.

- - Толкуй,- сказал Кирьяныч и, докончив фразу, как следовало, присовокупил со вздохом:- Согрешили мы, грешные; прогневили господа бога... совсем дело дрянь! На табак гроша нет... даве на щак останную гривну в харчевне проел... совсем в носу завалило...

- - Табачку-свету нигде нету! - сказал дворовый человек горестно. И потом, после некоторого молчания, прибавил:- А и то сказать, какие у нашего брата деньги. Известно наше богатство: кошля не на что шить - по миру ходить. Иное дело у барина.

Мне показалось, что камушек был закинут в мой огород, и догадка моя оправдалась: дворовый человек нечувствительно перешел к тому счастливому дню, когда он, полный надеждами, прибыл из деревни и до приискания места занял угол в подвале. День тот был в полной мере торжественный: на новоселье было выпито семь штофов.

- - Ан пять! - сказал Кирьяныч.

- - Семь, ежовая голова!

- - Пять, едят то мухи с комарами! Я как теперь помыто, что пять! - И между ними завязался жаркий спор о количестве штофов.

- - Ну да сколько бы ни было,- заключил дворовый человек.- Я к тому только сказал, что на Руси такое уж обнаковение: последнюю копейку ребром, а новоселье чтоб было справлено, иначе и счастья на новой квартире не будет.

- - И господь того человека не забудет, кто должное исполняет,- заметил Кирьяныч.

- - Послушай, брат,- сказал я.

Дворовый человек вскочил и почтительно вытянулся передо мною.

- - Чего изволите, сударь?

- - На вот, братец,- купите себе вина.

- - Слушаю-с. Штоф, что ли, брать прикажете?

- - Бери штоф.

Дворовый человек обмотал дратву вокруг недочиненного сапога, надел его на левую ногу, схватил мою фуражку и побежал. Через пять минут вино было на столе перед моею кроватью вместе с двумя селедками, пятком огурцов, тремя фунтами черного хлеба и четверкой нюхального табаку. Дворовый человек, отдавая мне сдачу, почтительно извинился, что сделал некоторые излишние издержки. Кирьяныч между тем сходил к хозяйке за стаканом.

- - Начин с хозяина,- сказал дворовый человек наливая.

Я отказался.

- - Бона! - воскликнул дворовый человек в каком-то странном испуге.- Гусь, и тот нынче пьет... И пословица говорит: ходи в кабаке, кури табак, вино пей и нищих бей - прямо в царство немецкое попадешь! Что ж вы душе своей, что ли, добра не желаете?

- - Да вы бы в самом деле протащили немножко,- прибавил флегматически Кирьяныч.- У вас лицо такое, словно обожженный кирпич.

Но я опять отказался.

- - Нечего делать,- сказал дворовый человек, хитро усмехаясь,- и не хотел бы, да надо пить.- Выпил, подержал с минуту стакан над лбом и произнес протяжно:- Пошла душа в рай на самый на край! Ну, Кирьяныч!

Но Кирьяныч ничего не слышал. Он глядел в пол, топал ногою, перескакивая с места на место, и кричал: "Посвети! посвети!" Наконец он в последний раз страшно топнул ногою, восторженно крякнул и возвратился к столу. Лицо его сияло торжественно.

- - Полно тебе пауков-то губить. Лучше бы вон что по стенам-то ползают; спать не дают... Пей, пока не простыло!

- - Не грех и выпить теперь,- сказал Кирьяныч самодовольно.- Прибавь, господи, веку доброму человеку!

Перекрестился и выпил.

Когда было вышито по другому стакану, дворовый человек взял балалайку, заиграл трепака и запел:

В понедельник

Савка мельник,

А во вторник

Савка шорник,

С среды до четверга

Петербургские углы. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Савка в комнате слуга,

Савка в тот же четверток

Дровосек и хлебопек.

Чешет в пятницу собак,

Свищет с голоду в кулак,

В день субботный всё скребет

И под розгами ревет;

В воскресенье Савка пан -

Целый день как стелька пьян.

Послышался страшный стук в двери, сопровождаемый странным мурныканьем.

- - Ну, барин! - воскликнул дворовый человек. - Будет потеха: учитель идет!

- - Что за учитель?

Дверь отворилась настежь и, ударившись об стену, оглушительно стукнула. Покачиваясь из стороны в сторону, в комнату вошел полуштоф, заткнутый человеческою головой вместо пробки; так называю я на первый случай господина в светло-зеленой, в рукава надетой шинели, без воротника: воротник, понадобившийся на починку остальных частей одеяния, отрезан еще в 1819 году. Между людьми, которых зовут пьющими, и настоящими пьяницами - огромная разница. От первых несет вином только в известных случаях, и запах бывает сносный, даже для некоторых не чуждый приятности: такие люди, будучи большею частью тонкими политиками, знают испытанные средства к отвращению смрадной резкости винного духа и не забывают ими пользоваться. Употребительнейшие из таких средств: гвоздика, чай (в нормальном состоянии), Гофмановы капли, пеперменты, фиалковый корень, наконец, лук, чеснок. От вторых несет постоянно, хоть бы они неделю не брали в рот капли вина, и запах бывает особенный, даже, если хотите, не запах - как будто вам под нос подставят бочку из-под вина, которая долго была заткнута, и вдруг ототкнут. Такой* запах распространился при появлении зеленого господина - я понял, что он принадлежит ко второму разряду. Всматриваясь пристально в лицо его, я даже вспомнил, что оно не вовсе мне незнакомо. Раз как-то я проходил мимо здания с надписью "Богоявленский питейный дом". У входа, растянувшись во всю длину, навзничь лежал человек в ветхом фраке с белыми пуговицами; глаза его были закрыты; он спал; горячее летнее солнце жгло его прямо в голову и вырисовывало на лоснящемся страшно измятом лице фантастические узоры; тысячи мух разгуливали по лицу, кучей теснились на губах, и еще тысячи вились над головой с непрерывным жужжанием, выжидая очереди... Долго с тяжким чувством (вы уж знаете, что у меня чувствительное сердце) смотрел я на измятое лицо, и оно глубоко врезалось в мою память. Теперь он был одет несколько иначе и казался немного старше. Кроме шинели, разодранной сзади по середнему шву четверти на три, одежду его составляли рыжие сапоги с заплатами в три яруса, и что-то грязно-серое выглядывало из-под шинели, когда она случайно распахивалась. Ему было, по-видимому, лет шестьдесят. Лицо его не имело ничего особенного: желто, стекловидно, морщинисто; на подбородке несколько бородавок, которые в медицине называются мышевидными, с рыжими завившимися в кольцо волосами, какие отпускают на бородавках для счастья дьячки и квартальные; на носу небольшой шрам; глаза мутные, серые; волосы (странная вещь!) черные, густые, почти без седины; так что их можно было бы назвать даже очень красивыми, если б не две-три небольшие, в грош величиною, плешинки, виною которых, очевидно, были не природа и не добрая воля. Но вообще вся фигура зеленого господина резко кидалась в глаза. В нем было что-то такое, что уносит с собой актер в жизнь от любимой, хорошо затверженной роли, которую Он долго играл на сцене. В самых смешных и карикатурных движениях, неизбежных у человека нетвердого на ногах, замечалось что-то степенное, что-то вроде чувства собствен нота достоинства, и, говоря с вами даже о совершенных пустяках, он постоянно держал себя в положении человека, готового произнести во всеулышание, что добродетель похвальна, а порок гнусен. От этих резких противоречий он был чрезвычайно смешон и возбуждал в дворовом человеке страшную

Петербургские углы. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
охоту над ним посмеяться.

Дворовый человек встретил его обычным своим приветствием:

- - Здравствуй, нос красный!

Казалось, зеленый господин хотел рассердиться, но гневное слово оборвалось на первом звуке; сделав быстрое движение к штофу, он сказал очень ласково:

- - Здравствуй, Егорушка. Налей-ка мне рюмочку!

Дворовый человек украдкой налил стакан водою из стоявшей на столе глиняной кружки и подал зеленому господину. Зеленый господин выпил залпом. Дворовый человек и Кирьяныч страшно захохотали. Зеленый господин с минуту стоял неподвижно, разинув рот, со стаканом в руке, и наконец начал сильно ругаться:

- - Ты, брат, со мной не шути! Кто тебе позволил со мною шутить? Меня и не такие люди знают, да со мной не шутят. Вот и сегодня у одного был... Действительный, брат, и кавалер... слышишь ты, кавалер... тебя к нему и в прихожую-то не пустят. А меня в кабинет привели. "Жаль мне тебя,- говорит,- Григорий Андреич (слышишь, по отчеству называл!), совсем ты пьянчугой стал; смотри, сгоришь ты когда-нибудь от вина,- говорит.- Не того,- говорит,- я от тебя ожидал... Садись,- говорит,- потолкуем о старине"... и графинчик велел принести... Вот я и заговорил... Знаю, о чем говорить: с Измайловым был знаком... к Гавриилу Романовичу был принимаем. У Яковлева на постоянном жительстве проживал... Не знаешь ты, великий был человек!.. вместе и чай, и обедали, и водку-то пили... Да и сам я: ты, брат, со мной не шути... у меня, брат, знаешь, какие ученики есть... вот один...у, какой туз!.. А мальчишкой был... кликну, бывало, сторожа, да и ну... никаких оправданий не принимал... Вот мы всё с ним вспоминаем, смеемся... "и хорошо,- говорит,- вот оттого я теперь и в люди пошел,- говорит,- что вы меня за всякую малость пороли... я вас,- говорит,- никогда не забуду", да и сует в руку мне четвертак... "Смолоду,- говорит,- человека надобно драть, под старость сам благодарить будет"... Знаешь, как мне, братец, платили... А ты... ты... вот поди ты служить: по пяти рублей на год да по пяти пощечин на день... Таланты разные имел: нюхал, брат, не из такой (он щелкнул по берестяной табакерке)... Золотая была... да было и тут... один палец, брат, восемьсот рублей стоил. А всё ни за что; так - за стихи?.. Я, брат, какие стихи сочинял!..

Зеленый господин так заинтересовал меня своим рассказом, что я впоследствии навел о нем справки. Сгоряча он много прилгнул, но в словах его была частица и правды. Давно, лет сорок назад, окончив курс в семинарии, он вступил учителем в какое-то незначительное училище и дело свое вел хорошо. Правда, любил подчас выпить лишнюю чарку, но от него менее пахло вином, чем гвоздикой, и нравственность учеников не подвергалась опасности. Снисходительное начальство училища, ценившее в нем человека даровитого и способного к делу, старалось кроткими мерами обуздать возникавшую страсть. Но страсти могущественнее даже начальства, как бы оно ни было благородно и снисходительно. Заметили, что с некоторого времени при появлении зеленого господина а классе распространялся запах, который мог подать вредные примеры ученикам. Наконец, к довершению бед, зеленый господин пришел однажды в класс не только без задних ног, но и без галстука, и, вместо того чтоб поклониться главному лицу училища, которое вошло в класс и село на краю одной из скамеек, занимаемых учениками, обратился к нему с вопросом: "А какие глаголы принимают родительный падеж?.. А, не знаешь? А вот я тебя на колени!"

Его отставили, и место его отдали молодому человеку, который в полной мере оправдал честь, ему оказанную: не пропускал классов, был почтителен к старшим и, женившись вскоре на сестре главного лица, совершенно отказался от тревожных, неразлучных с холостой жизнью. Зеленого господина отставили, но по ходатайству одного доброго человека и в уважение прежних заслуг дали ему небольшой пенсией. Остальное понятно: бездействие скоро усилило в нем страсть к вину, и нечувствительно дошел он до того положения, в котором мы с ним познакомились. Интересна жизнь, которую вел он в подвале. Еще за несколько дней до первого числа каждого месяца; хозяйка неотступно следовала за ним и так приноравливала, что накануне первого числа он всегда напивался дома. Поутру она отправлялась с ним за "получкой", вычитала следующие ей деньги, а с остальными зеленый господин уходил бог знает куда и пропадал на несколько дней. Возвращался пьяный, нередко избитый, в грязь и без гроша. В остальные дни месяца он почти ежедневно обходил прежних своих товарищей по службе, учеников, которые теперь уже были взрослые

Петербургские углы. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru люди, наконец, всех, кого знал в лучшую пору жизни, – везде давали ему по рюмке вина, инде и по две; где же не давали, оттуда уходил он с проклятиями и долго потом, лежа на своих нарах, сердито толковал сам с собою о неблагодарности. Что ж касается до стихов, то очень немудрено, что зеленый господин и действительно писал стихи: в русском государстве все пишут или писали стихи и писать их никому нет запрета. Впрочем, последний пункт своего рассказа зеленый господин не замедлил подтвердить доказательствами. Он вытащил из-за сапога две тощенькие лоснящиеся брошюры в 12-ю долю листа, уставил их перед глазами дворового человека и, поводя указательным пальцем со строки на строку заглавной страницы, говорил торжественно:

– Видишь, видишь, видишь... а?.. видишь ли?

Но дворовый человек с негодованием оттолкнул брошюры и возразил с жаром, доказывавшим, что в нем говорит убеждение:

– Ты мне этим не тычь! Что ты мне этим тычешь! Я, брат, не дворянин: грамоте но умею. Какая грамота нашему брату? Грамоту будешь знать – дело свое позабудешь... А вот ты мне награждение – то покажи! Что, небось потерял али подарил кому?.. Ты ведь добрейший... Сам не съешь, да другому отдашь. Знаю я... кто наемни у меня ситник – от съел?

– Продай, так и нет, – отвечал зеленый господин с меланхолической грустью. – Где нюхать нашему брату на золотой табакерки, на пальцах самоцветные камни иметь!

Он махнул рукою и отравил последнюю струю чистого воздуха продолжительным вздохом.

Между тем я взглянул на брошюры. Одна из них была на всерадостный день тезоименитства какого-то важного лица тех времен, другая на бракосочетание того же лица. Обе были написаны высокопарными стихами и заключали в себе похвалы важному лицу, которое поэт называл меценатом. Такие брошюры загромождали русскую литературу в доброе старое время, потому что русская литература началась с хвалебных гимнов на разные торжественные случаи, и пиита обязан был держать всегда наготове свое официальное вдохновение; за то его и хлебом кормили, а за неустойку больно били палкою. Известен анекдот о Тредьяковском, которого Волынский собственноручно наказал тростью за то, что Тредьяковский не изготовил оды на какой-то придворный праздник. Поэт Петров официально состоял при Потемкине в качестве воспевателя его подвигов и для того, во время его походов, всегда находился в обозе действующей армии. По примеру великих земли и маленькие тузы или козырные хлапы имели своих пиитов и любили получать от них оды в день рождения, именин, бракосочетания, крестин дитяти, получения чина, награды и в подобных тому торжественных случаях их жизни; за то они позволяли пиите садиться на нижний конец стола обедать уже с собою, а не с слугами, как в обыкновенные дни, подпускали его к целованию своей руки, дарили его перстнем, табакеркою, деньгами, поили его допьяна и потом тешились над ним, заставляя его плясать. А пиита величал их своими благодетелями, меценатами, покровителями, отцами-командирами и "милостивцами". В начале XIX столетия этот род литературы начал заметно упадать; 1812-й год нанес ему сильный удар, а романтизм, появившийся с двадцатых годов, решительно доконал его. И теперь эта "торжественная" поэзия считается уже синонимом "подлому стихотворству". Так изменяются нравы! Теперь уже за листок дурных виршей, наполненных высокопарною, бессмысленною и низкою лестью, нельзя от какого-нибудь барина получить на водку, перстенок, табакерку, 500 или 100 рублей денег – и еще менее можно приобрести звание поэта! Вероятно, это одна из причин, почему старички, запоздалые остатки доброго старого времени, так сердиты на наше время, с таким восторгом и с такою грустью вспоминают о своем времени, когда, по их словам, всё было лучше, чем теперь.

– Ерунда, {Лакейское слово, равнозначительное слову – дрянь.} – сказал дворовый человек, заметив, что я зачитался. – Охота вам руки марать!

– Ерунда! – повторил зеленый господин голосом, который заставил меня уронить брошюру и поскорей взглянуть ему в лицо. – Глуп ты, так и ерунда! Когда я подносил их его превосходительству, его превосходительство поцеловал меня в губы, посадил рядом с собой на диван и велел прочесть... Я читал, а он нюхал табак и говорит: "Понохай". – "Не нюхай, – говорю, – да уж из табакерки вашего превосходительства..." – "Нюхай, – говорит, – ученому нельзя не нюхать", и отдал мне

Петербургские углы. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru табакерку... С тех пор и начал я нюхать. Велел приходить к обеду... посмотрел бы ты, как меня принимали... всякий гость обнимал... а какие все гости... даже начальник его превосходительства поцеловал... я после и ему написал... Напился я пьян... говорю, как с равными, а они ничего, только хохочут. Всяк к себе приглашение делает... Ерунда!

И что-то похожей на чувство мелькнуло в глазах зеленого господина, и долго с поднятою рукою стоял он посреди комнаты и вдруг качнул головой и сказал голосом, который очень бы шел Манфреду, просившему у неба забвения: "Налей, брат, мне, Егорушка, пожалуйста, рюмочку!"

Дворовый человек налил стакан вина, подозвал зеленого господина и выкинул новый жестокий фарс: поднес стакан к губам зеленого господина и вдруг, когда уже тот вытянул губы и совсем приготовился пить, отдернул стакан и выпил сам. Но зеленый господин уже не рассердился: чувство собственного достоинства, окончательно побежденное запахом сивухи, коснувшись обоняния, замолчало. Он стал униженно просить дворового человека "не шутить"...

- - Попляши, поднесу...

И зеленый господин без отговорок начал плясать. А дворовый человек, приговаривая: "Еще! еще! лихо! лучше вчерашнего! ну, немножко еще!", - накапал в стакан сала из ночника, всыпал щепоть табаку и целую горсть соли, долил вином и пальцем все размешал. Мне стало страшно.

Я просил не давать зеленому господину этого страшного эликсира, говоря, что он уже и так сильно пьян.

- - Пьян! вот те раз - пьян! Слышал я от умных людей и от девок, - отвечал дворовый человек, продолжая размешивать, - падает человек - не пьян, языком шевелит - не пьян; двое ведут, да третий ноги переставляет, вот пьян!

- - И лежит да не дышит - тоже пьян, - отозвался кирьяныч, разбуженный пляскою зеленого господина. - А-а-а... Го-спо-ди, по-ми-луй!

Зеленый господин выпил и похвалил. Вслед за ним выпили дворовый человек и Кирьяныч. Сделалось шумно. Зеленый господин добровольно вызвался еще поплясать, но только под музыку. Дворовый человек заиграл на балалайке и запел, пристукивая ногами и даже по временам откалывая небольшие плясовые коленцы. Кирьяныч, которому удалось раздавить еще паука, необыкновенно развеселился и каждый прыжок зеленого господина сопровождал трагическим хрюканьем, вроде хохота, а зеленый господин прыжки свои сопровождал икотой и бранью, непосредственно следующей у русского человека за каждым разом, когда икнется, да еще дикими вскрикиваниями... Но всего интереснее была тут песня дворового человека:

Лет пятнадцати не боле
Лиза в рощицу пошла
И, гулявши в чистом поле,
Жука черного нашла, -
Жука черного с усами
И с курчавой головой,
С черно-бурыми бровями -
Настоящий милый мой!
Завяжу жука в платочек,
Понесу его домой,
Дам я сахару кусочек -
Кушай, кушай, милый мой!

Злая тетка увидала -
Разворчалась на него,
Лизе строго приказала:
"Выбрось жука за окно!"
Я не слушалась приказу -
Брошу жука под кровать,
А на будущее лето
Разведу жуков опять.

.
.

Вот вам, девушки, наука!
Но ходите в лес гулять,
А найдете того жука -
Не кладите под кровать.

Как ни шумно пировали мы, однако ж пронзительный, нечеловечески дикий крик, раздавшийся вне комнаты, был тотчас нами услышан и в минуту сковал наши языки и движения. Это был крик, какого я уже не слышал во всю остальную жизнь, - крик, в котором отзывалось всё: и противное карканье почуявшей непогоду вороны, и токующий глухарь-тетерев, и молодой, бодрый конь, спущенный с аркана и весело заржавший, почуяв свободу и поле, и поросенок, которого палят живьем, и человек, которого вешают. Не успели мы переглянуться, к нам вбежала старая баба, с лицом до того испуганным, что я едва узнал в ней хозяйку. Она ломала руки и кричала: "Ах батюшки!"

- - Что такое? - спросил я в недоумении.

- - Ничего, - отвечал дворовый человек хладнокровно. - Видно, опять напилась?

- - Напилась... ей-богу, навилась, вина у рту... схватила нож: зарежусь, говорит, и всех перережу. Батюшка Егор Харитоныч!

- - А пускай бы ее резалась.

- - Оно так. Туда ей и дорога, коли лучшего конца себе не надеется, да ведь никогда не случалось... и для жильцов нехорошо... Надзиратель приедет. Деньги все, поди, просила, и за шубу полсотни давали... а уж где шуба? Сама своей души не жалеет, на саван не оставляет. Батюшка Егор Харитоныч, ведь похоронить не на что будет!

Дворовый человек и Кирьяныч отправились за хозяйкою. Любопытство заставило меня последовать за ними. Через дверь, с которою уже, если помнят читатели, я был хорошо знаком, мы вошли на половину хозяйки. То была точно такая же комната, как и наша, но убранная несколько иначе и лучше. В двух углах стояли кровати, а два остальные были загорожены ширмами, с которыми соединено было то удобство, что можно было заниматься чтением "Северной пчелы", которою ширмы были оклеены. На пол-аршина от потолка во всю длину стен были прибиты, как в крестьянских избах, узенькие полочки, на которых стояла деревянная и черепяная посуда. Посреди комнаты происходила сцена, достойная точного и возможно искусного описания. По полу каталась женщина в полном цвете бальзаковской молодости, с красными, как бурак, одутловатыми щеками, и задыхающимся, визгливо-пронзительным голосом кричала: "А... а... а... а... ой... батюшки!.. а... ой... умру!.. умру!.. умру!.. а... а... а!" Как у разгоряченной лошади, изо рта била клубами пена, которая клочьями падала

Петербургские углы. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru на пол и размазывалась по лицу; руки беснующейся были в крови: в беспамятстве она их кусала. Ее окружали три женщины – две старые и одна пожилая, все беременные, которые при каждом повороте кликуши боязливо отскакивали и при каждом новом порыве ее бешенства вскрикивали в один голос: "Ай!" Нужно еще упомянуть об одном обстоятельстве: из-за ширм (влево от двери) раздавался тоненький голосок, напевавший с совершенной беспечностью немецкую песенку, которую очень любят все петербургские немки:

Mein lieber Augustin,

Alles ist weg! {*}

{* Мой дорогой Августин,

Всё проходит! (нем.)}

Вдруг кликуша оглушительно визгнула, простонала: "Ой тошно! Ой батюшки, тошно! Отпустите душу на покаяние! Нож!.. нож!.. нож!.." – и вскочила на ноги.

Нож лежал на полу, и кликуша несколько раз через него перекаtywалась, но ни у которой из женщин не доставало смелости поднять его. Дворовый человек выступил вперед, заступил нож, насупил брови и закричал грозно:

– А на что тебе нож, проклятая ведьма? На что тебе нож? Вот я дам тебе нож... Кирьяныч! а Кирьяныч... тьфу! ты какой! да поди же сюда... Надо бешеную бабу...

Но Кирьяныч в ту минуту страшно стучал сапогами, подпрыгивая, чтоб настичь рукою паука, уходившего к потолку, и ничего не слышал.

Дворовый человек плюнул, не торопясь развязал ремень, которым был подпоясан, и, устремив на кликушу невыносимо свирепый взгляд, произнес со всею силою и энергиею голоса: "Вязать!"

И вдруг кликуша задрожала всем телом, и бешеное выражение в лице ее в минуту уступило место кроткому и молящему; как сноп повалилась она к ногам дворового человека и жалобно запросила пощады...

– На место! – закричал торжествующий укротитель, делая трагический жест рукою. – Цыц! пряничная форма! (Кликуша была рябая, – метко выражается русский человек.) За работу! – прибавил он, топнув ногою. – Только пикни, свяжу, да так в помойную яму и брошу!

Хозяйка усадила кликушу, дала ей работу, и укрощенная беспрекословно принялась шить, страшась поднять глаза на дворового человека, который с минуту еще смотрел на нее, как говорится, сычом и на разные тоны повторял: "Цыц! цыц! цыц!"

Чтоб объяснить сколько-нибудь эту сцену, я должен рассказать здесь то, что узнал уже впоследствии. Терентьевна не была в самом деле кликушей, как зовут у нас на Руси всех одержимых какою-нибудь дурью баб, но быта весьма склонна к белой горячке, которая периодически возвращалась к ней после каждых десяти суток беспробудного пьянства. Дворовый человек уже неоднократно, по вызову хозяйки, являлся на выручку из беды и каждый раз при помощи того же простого и крайне дешевого средства, какое употребил за минуту, возвращал бешеную бабу к покорности и даже вышибал из нее хмель. Происходило ли то в самом деле от необычайной дикости его голоса и свирепости взгляда, как думали старухи, или была на то особенная воля судеб, или просто так хотел случай, – как бы то ни было, но дворовый человек пользовался за магнетическую способность свою большим уважением хозяйки и ее постоялок. Впоследствии он придумал даже способ извлекать из влияния, которое имел на кликушу, пользу существенную: усмирив кликушу, он отдавал ей в починку худое белье свое, – оставаясь в таких случаях в том, в чем оставалась левая нога его, когда он чинил сапог, – и кликуша не смела тронуться с места, куда работа не была кончена...

На возвратном пути я мимоходом заглянул за ширмы, откуда раздавался тоненький голосок, и увидел молодую милостивую женщину, которая также, подобно прочим жилицам подвала, отличалась полнотою неестественной.

- - Отчего они все беременны? - спросил я, когда мы пришли в комнату.

- - Известно отчего, - отвечал дворовый человек. - Ну вот хоть бы у вас жила кухарка... горничная... мамзель какая-нибудь, замужняя или так. Вдруг господь прибыль дает... сами знаете - держать не станут... Куда?... Не пойдешь среди улицы: не такое дело. Федотовна - баба добрая... сальных свеч не ест... "Поживи, мать моя! Поживи, голубушка! Я тебя не обижу!" Вот на время и к ней. А там - дело уладилось - и опять место найдет... Всякий видит - талия с перехватцем. А умрет, не вынесет - Федотовна и того вдвое рада... Вор-баба! Без мыла в душу влезет... изойди весь свет, другой не найдешь! В Москве есть, говорят, две, да те похуже... хоть кого окальят... У отца родного крест с шеи снимет... Намедни умерла роженица... Она инда в слезы; охает, ахает... до ниточки всё прибрала... дряни набила в сундук... "Куды! - говорит, - у покойницы ни роду ни племени! Нищим надо отдать!.. Пусть, - говорит, - за покойницу молятся... ничего себе не возьму, ничего, не пойдет впрок чужое добро!" Позвала нищих; всё мальчишки, девчонки... мал мала меньше; ну уж какое вино?... только два старика. Пообедали... напоила, да у них же и украла платок... вот сейчас не сойти с места... Вчерась в нем в церковь ходила, рублей десятка стоит. Известно, тоже у господ украден: нищему где платок покупать! А что, Кирьяныч, дерябнем-ка еще по стакану!

Он подошел к столу и ахнул от ужаса: штоф был пустехонек. Выругавшись, дворовый человек принялся пинками будить зеленого господина, заснувшего сном невинности среди, полу, но зеленый господин не шелохнулся и только отвечал на пинки и проклятия стихами из брошюры на тезоименитство, полными благословений и радостных пожеланий. Впрочем, я думаю, что он бредил: к подобному великодушному человек в здравом рассудке едва ли способен.

- - Нечего собаке делать, так хвост лижет! - сказал дворовый человек с трогательным состраданием; взял в одну руку шапку, в другую штоф. - Вот одолжил, как уж кабаки заперлись!

- - Что ты, голова? Лучше же завтра будет у нас на что пообедать.

- - Была не была! Уж неужто так и не выпить?... Авось.

- - И то сказать, - заметил Кирьяныч, внутренне обрадованный, - голенький ох, а за голеньким бог.

За первым стаканом взаимно признались в расположении, которое почувствовали друг к другу при первой встрече; за вторым - заплакали, обнялись и неоднократно поцеловались; за третьим - побранились; за четвертым - последовала естественная и неизбежная развязка незатейливой драмы, которую я здесь безыскусственно рассказал: герои ее подрались...

Путру, впросонках, я слышал какой-то отрывистый разговор, который меня очень заинтересовал.

- - Собаки есть?

- - Есть, пара. Кирпичная, белая с крапинами...

- - Крапины серые?... левое ухо прорезано? на хвосте черное пятнышко?

- - Кажись, так. Полюбопытствуйте.

Впросонках человек бывает ленив: мне страх хотелось посмотреть на раннего посетителя, но страх не хотелось повернуться и открыть глаза. Я так и не посмотрел. Впрочем, впоследствии я встретился с ним лицом к лицу: очень интересный господин! Очередь придет - познакомлю.

Здесь на сей раз простимся мы с записками Тростникова (объяснение - кто такой Тростников, завело бы слишком далеко, и потому оно здесь выпускается), из которых извлекли отрывок, предлагаемый благосклонному вниманию читателя.

Комментарии

Печатается по тексту первой публикации, с восстановлением цензурных исключений и со следующими исправлениями по авторизованным писарским копиям: с. 337-338, строки 44-1: "выварю" вместо "выпарю" (по АК ГИМ); с. 339, строка 6: "говорят, сердяга" вместо "говорят" (по АК ЦГАЛИ); с. 339, строка 22: "осьмнадцать" вместо "восемнадцать" (по АК ГИМ); с. 340, строка 37: "худенькой" вместо "худенький" (по АК ГИМ и АК ЦГАЛИ); с. 340, строка 37: "тощенькой" вместо "тощенький" (по АК ГИМ и АК ЦГАЛИ); с. 341, строка 29: "совсем дело дрянъ" вместо "дело дрянъ" (по АК ГИМ и АК ЦГАЛИ); с. 343, строка 25: "страшный" вместо "странный" (по АК ГИМ и АК ЦГАЛИ); с. 343, строка 26: "странным" вместо "страшным" (по АК ГИМ и АК ЦГАЛИ); с. 344, строка 17: "долго" вместо "долго" (по АК ГИМ и АК ЦГАЛИ); с. 350, строка 36: "сковал" вместо "оковал" (по АК ЦГАЛИ); с. 351, строка 30: "клубами" вместо "клубом" (по АК ЦГАЛИ).

Впервые опубликовано: ФП, ч. 1, с. 254-303, с подписью: "Н. Некрасов".

В собрание сочинений впервые включено: Собр. соч. 1930, т. III.

Отрывок чернового автографа главы V "О петербургских углах и о почтенных постояльцах, которые в них помещаются" из части первой не завершено и не опубликовано при жизни Некрасова романа "Жизнь и похождения Тихона Тростникова" (см.: наст. изд., т. VIII) от слов: "Хороший человек..." - до слов: "...кивала мне головой", с датой: "7 сентября" - ГБЛ, ф. 195, М5758.1, л. 24. Глава романа была написана на л. 21-29 (сдвоенных, большого формата) автографа. Л. 24-28, по-видимому, были извлечены Некрасовым из рукописи для подготовки их к публикации в качестве самостоятельного очерка в первой части "физиологии Петербурга". Дальнейшая судьба л. 25-28 неизвестна.

Отрывок белого автографа: "...в себе похвалы ~ лучше, чем теперь" - с незначительными карандашными поправками - ГПБ, ф. 608, № 5099, 1 л. (см. о нем: Заборова Р. Б. Из архивных разысканий о Н. А. Некрасове. - РЛ, 1973, № 4, с. 124-125).

Первая авторизованная писарская копия (АК ГИМ) со значительной правкой чернилами и карандашом, с обозначением Некрасовым расположения политипажей, с цензурными и автоцензурными исключениями, с пометами красным карандашом и красными выцветшими чернилами цензора А. И. Фрейгаига (на л. 1 помета, служащая основанием датировки копии: "По решению Комитета нельзя печатать. 4 апреля 1844") - ГИМ, ф. 37, ед. хр. 510, л. 1-46. Текст: "...заклучали в себе похвалы ~ было лучше, чем теперь" (л. 33) утрачен (см. с. 347-348, строки 36-30).

Вторая авторизованная писарская копия (АК ЦГАЛИ), очевидно более поздняя (сходство авторских исправлений с первым списком позволяет датировать ее также 1844 г.), в основном соответствующая печатному тексту (за исключением отдельных цензурных и автоцензурных купюр), с авторской правкой чернилами и авторской пометой слева в углу на л. 1: "Рыжов! Перепишите эту статью еще раз хорошенько и поскорее. Некрасов" - ЦГАЛИ, ф. 338, ед. хр. 36, л. 1-23.

Последовательность копий устанавливается на основании следующих соображений. На первом листе копии ГИМ после заглавия "Петербургские углы" рукой Некрасова вписано: "(Из рукописи "Русский жиль Блас")". В копии ЦГАЛИ подзаголовок изменен также самим Некрасовым и соответствует имеющемуся в печатном тексте (в первой части "физиологии Петербурга"): "Петербургские углы (Из записок одного молодого человека)". По сравнению со списком ЦГАЛИ копия ГИМ является более черновой. В ней содержится большее количество авторской правки, зачеркнутых и незачеркнутых вариантов. Описание "петербургских углов" здесь более пространно и сопровождается множеством бытовых деталей, отсутствующих как в копии ЦГАЛИ, так и в тексте первой публикации. После слов: "остальное пространство до двери было завалено разным хламом" - Некрасов вписывает на полях рукописи ГИМ: "в углу [налево] направо и противоположном ему, в углублении, были устроены нары, прикрытые так называемыми постельниками из тростника; четвертый угол был пуст" (см.: Другие редакции и варианты, с. 515). Диалог героя-повествователя с содержательницей "угла" Федотовой в копии ГИМ имеет большее число вариантов, свидетельствующих о поисках Некрасовым окончательных и более точных формулировок (там же, с. 515-516). Значительна авторская правка здесь и в характеристике отдельных персонажей, в частности "зеленого господина" (там же, с. 519-522). В копии ГИМ

Петербургские углы. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru содержит ряд карандашных помет, сделанных, очевидно, цензором, рядом со словами, требующими разъяснения. Например, знаки вопроса стоят около просторечных выражений "ерунда" и "побывшился", произносимых дворовым человеком и Кирьянычем, крестьянином, "отпущенным по оброку". В копии ЦГАЛИ к слову "ерунда", еще не бытовавшему в 1840-е гг. в литературе, рукой Некрасова вписано примечание: "Лакейское слово, равнозначительное слову - дрянь" (с. 348).

Все сказанное свидетельствует о том, что копия ЦГАЛИ представлялась Некрасову завершенной и окончательной. Цензорская правка красным карандашом содержится лишь в копии ГИМ; в копии ЦГАЛИ она почти не учтена, что объясняется, очевидно, намерением Некрасова сохранить текст в первоначальном виде. Однако цензорские изъятия в копии ГИМ и в "Петербургских углах", напечатанных в "физиологии Петербурга", идентичны. Таким образом, сличение обеих авторизованных рукописей с текстом "физиологии Петербурга" дает возможность выявить цензурные купюры и восстановить их в тексте, публикуемом в настоящем томе.

Цензурной правке в копии ГИМ подверглись главным образом фразы, содержащие намеки антиклерикального содержания, и некоторые "неблагопристойные" выражения. На с. 344 (строки 9-10) цензором вычеркнуто слово "Богоявленский" в надписи "Богоявленский питейный дом", здесь же (строка 30) зачеркнуто: "дьячки и квартальные"; на с. 345 (строка 29) под зачеркнутой фамилией "Яковлев" сверху написано "Я...", по-видимому, чтобы исключить недопустимый намек на лицо именитое или известное современникам (ср. с. 520, 591); на с. 334 (строки 20-22) отмечена фраза, содержащая намек на грубую поговорку: "Я смекнул, что лучше последовать известной поговорке ~ пошел серединою", а на с. 339 (строки 40-41) - слова "перекрестился на образок, висевший над нарами"; на с. 339 (строки 11-12) зачеркнуто: "вы тоже крепостной" и вписано: "дворовый". Некрасов заменил цензорский вариант словом "господский". В рукописи ГИМ изъято ироническое упоминание "Северной пчелы". Название болгаринской газеты заменено нейтральным обозначением "одна газета" (см.: Другие редакционные варианты, с. 523). Цензорская правка в писарской копии ГИМ не коснулась слов "напевая что-то про барыню" (с. 339, строки 31-32). Они есть и в списке ЦГАЛИ. Однако в тексте "физиологии Петербурга" это место отсутствует. Очевидно, оно было исключено при повторном прохождении "Петербургских углов" через цензуру 11 февраля 1845 г. По-видимому, тогда же были изъяты фразы: "Но уважение к исторической истине заставляет сказать, что при вывеске повивальной бабки изображения никакого не было" (с. 333, строки 25-27) и "У отца родного крест с шеи снимет" (с. 353, строка 29). В обеих писарских копиях эти фразы значились.

Помимо перечисленных исключений, связанных с замечаниями цензора, в тексте "Петербургских углов" прослеживается еще несколько купюр. К ним относятся: "Из избы сору не выношу" (с. 337, строка 13); "А на собаке какой грех" (с. 337, строка 24); "Да денег дай! - сказал дворовый человек, отпущенный по оброку, - денег у черта просить, - проворчал сердито бородач. Разговор прекратился" (с. 340, строки 11-14); "накапал в стакан сала из ночника, всыпал щепоть табаку и целую горсть соли, долил вином и пальцем всё размешал. Мне стало страшно" (с. 349, строки 24-27); "господь прибыль дает" (с. 353, строки 19-20); "Вчера в нем в церковь ходила, рублей десятка стоит. Известно, тоже у господ украден: нищему где платок покупать!" (с. 353, строки 38-40).

Все это дает основание предполагать существование еще одной, не дошедшей до нас рукописи "Петербургских углов" (наборной), в которой, очевидно, имелась отмеченная выше правка.

В "Петербургских углах" (ФП) содержится авторское рассуждение (с. 347-348, строки 38-30): "Такие брошюры загромождали русскую литературу в доброе старое время ~ когда, по их словам, все было лучше, чем теперь", заключенное в кавычки. Между тем в обеих авторизованных писарских копиях и в отрывке ГИБ кавычки отсутствуют. Комментаторы (К. И. Чуковский, А. Н. Лурье) находили к этому месту отдельные смысловые параллели в статьях Белинского. Точным цитированием это некрасовское рассуждение не представляется. В настоящем томе кавычки устраняются по обеим копиям, по которым в тексте "Петербургских углов" восстанавливаются и купюры, перечисленные выше.

Начало работы над "Петербургскими углами" (не в качестве самостоятельного произведения, а в составе главы V романа о Тростникове) относится, вероятно, к концу 1843 г. Основанием для такого предположения является некрасовская помета

Петербургские углы. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru "7 сентября" (без указания года), сделанная в черновой рукописи главы "О петербургских углах и о почтенных постояльцах, которые в них помещаются". Очевидно, эта дата может относиться лишь к 1843 г., так как 4 апреля следующего, 1844, г. "Петербургские углы" были запрещены Петербургским цензурным комитетом.

Как явствует из цензурной истории, первоначально "Петербургские углы" предназначались Некрасовым для "Литературной газеты". На заседании Петербургского цензурного комитета, состоявшемся 4 апреля 1844 г. в присутствии председателя комитета Г. П. Волконского, цензоров А. Л. Крылова, А. В. Никитенко, С. С. Куторги, А. П. Очкина, рассматривались представленные цензором А. И. Фрейгангом "две статьи, назначаемые к помещению в "Литературной газете": 1. фантазия Ж. Ж. Гранвиля с политипажем, представляющим человека, нисходящего до животного, и животного, возвышающегося до человека {Речь шла о работе французского карикатуриста Ж. Гранвиля (1803-1847) (настоящая фамилия Ж. Жерар) "Животные, изображенные ими самими" (1842).}, и 2. "Петербургские углы". Комитет первую статью признал позволительною и разрешил г. цензору одобрить ее к папечатанию; а вторую, на основании 3 ст. 3 Устава о цензуре, подверг запрещению" (Журнал заседания С.-Петербургского цензурного комитета 4 апреля 1844 г.- ЦГИА, ф. 777, оп. 27, д. 37, л. 38-41 об.). 3 ст. 3 Устава о цензуре препятствовал публикации статей, содержащих "оскорбление добрых нравов и благопристойности".

Вскоре после запрещения "Петербургских углов" Некрасов в качестве редактора начал интенсивную организационную деятельность по подготовке альманаха "Физиология Петербурга". Его основные темы и направление намечены в ряде фельетонов писателя, напечатанных в "Литературной газете": "Хроника петербургского жителя" (ЛГ, 1844, 2 марта, No 9; 6 апр., No 13; 13 апр., No 14), "Черты из характеристики петербургского народонаселения" (ЛГ, 1844, 10 авг., No 31; 17 авг., No 32) и др.

К 1844 г. относится работа писателя над водевилем "Петербургский ростовщик". В одной из ранних газетных публикаций о первой части "Физиологии Петербурга" (предваряющей ее появление), в "Журнальных отметках" (РИ, 1844, 12 ноября, No 256), возможно принадлежащих Некрасову, приводится перечень статей будущего альманаха, процензурованного 2 ноября 1844 г. В его составе значится "Петербургский ростовщик". Однако при жизни писателя водевиль не был напечатан (см.: наст. изд., т. VI, с. 676-677). По-видимому, когда первая часть сборника уже была набрана (и соответственно на титульном листе первой части была обозначена дата: "1844"), Некрасову благодаря содействию А. В. Никитенко удалось получить цензурное разрешение для "Петербургских углов". На оборотной стороне шмуцтитула "Петербургских углов" помечено: "Печатать позволяется. С.-Петербург, 11 февраля 1845 года. Цензор А. В. Никитенко". Цензурное разрешение очерка определило окончательный состав первой части "Физиологии Петербурга", в которой вместо "Петербургского ростовщика" были опубликованы "Петербургские углы" как произведение, наиболее соответствующее направлению и структуре сборника. Очевидно, вторичное прохождение "Петербургских углов" через цензуру, включение очерка в почти подготовленный альманах явились причиной задержки выхода в свет первой части "Физиологии Петербурга", обещанной читателям в конце декабря 1844 г. (см. об этом: Бухштаб В. Я. Библиографические разыскания по русской литературе XIX века, с. 60-61).

"Петербургские углы" - одно из центральных произведений некрасовского сборника. Его содержание (быт и судьбы низших сословий, людей из народа, обитателей петербургского "дна") и художественная специфика в духе поэтики "натуральной школы" полностью отвечали задачам создания беллетристики гоголевского направления, сформулированным Белинским в программном "Вступлении" к первой части "Физиологии Петербурга". Здесь же петербургские очерки, в том числе и "Петербургские углы", соотносились с предшествующими опытами в подобном жанре, с французскими "физиологиями" и русскими нравоописаниями.

Некрасову - создателю "Петербургских углов" были хорошо известны издания А.-Л. Кюрмера "французы в их собственном изображении" (1840-1842), физиологические очерки Ж. Жанена, издание А. П. Башуцкого "наши, списанные с природы русскими" (1841-1842), "картинки русских нравов" (1842) и "Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого" (1843) Ф. В. Булгарина и др. К нравоописаниям Булгарина он, так же как и Белинский, относился крайне отрицательно, неоднократно рецензируя их в "Отечественных записках" (1843).

Петербургские углы. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru К социальному исследованию петербургского "дна" обращались литературные современники и соратники Некрасова, многие из которых принимали участие в организованных им сборниках. Бедственному положению низших слоев петербургских тружеников были посвящены очерки Д. В. Григоровича ("Петербургские шарманщики") и В. И. Даля ("Петербургский дворник"); мелкий люд, живущий в Петербурге на положении жильцов у квартирохозяев, описан Е. П. Гребенкой в "Петербургской стороне". Все эти произведения, создававшиеся почти одновременно с "Петербургскими углами", напечатаны Некрасовым в "физиологии Петербурга". Присущее им сходство тем, мотивов, ситуаций и даже языковых оборотов объясняется идеологической общностью и единством поэтических принципов, характерных для "натуральной школы".

Замысел "Петербургских углов" связан с личными впечатлениями первых лет бедственной петербургской жизни Некрасова. А. Н. Пыпин вспоминал по этому поводу: ""Петербургские углы", которые Некрасов описывал впоследствии, были известны ему по наглядному собственному опыту" (Пыпин А. Н. Н. А. Некрасов. СПб., 1905, с. 8). Осознание личного жизненного опыта как общественной ценности и воплощение его в художественном творчестве всячески поддерживалось Белинским, теоретиком "натуральной школы".

Хронологически работа над очерком и "физиологией Петербурга" приходится на годы особенно сильного воздействия идей Белинского на Некрасова. В это же время молодой писатель основательно знакомится с творчеством Гоголя. В 1842-начале 1843 г. выходит в свет четырехтомное собрание сочинений Гоголя, на которое Некрасов откликнулся в рецензии на книгу Ф. В. Булгарина "Очерки русских прав, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого" (ОЗ, 1843, No 3), высоко оценив "истинный юмор", "художественное воспроизведение действительности", "живую и одушевленную речь" - черты, присущие гоголевскому творчеству.

Внимание к специфике гоголевской поэтики, творческое усвоение ее принципов отчетливо проявилось в "Петербургских углах". В исследовательской литературе отмечались гоголевские стилистические приемы в повествовании Некрасова: использование гиперболизированных метонимий, характер авторских отступлений, ставшее традиционным для произведений "натуральной школы" перечисление комических вывесок, объявлений (см.: Чуковский, с. 80-81; Крошкин А. Ф. Роман Н. А. Некрасова "Жизнь и похождения Тихона Тростникова".-Некр. сб., III, с. 51). По наблюдениям К. И. Чуковского, трагическую тему социального дна Петербурга "Некрасов излагает с "комическим одушевлением", с юмором, отчего его повествование кажется еще более трагическим" (Чуковский, с. 80).

В "Петербургских углах" отчетливо прослеживается тяготение Некрасова к фольклору. Очерк изобилует пословицами, поговорками, народными прибаутками, присловьями. "Иные являютя по самому своему существу поговорками, окрыленными внутренней рифмой: "побьет, побьет, да не воз навет", "мы не из таких, чтобы грабить нагих", "поклон да и вон", "на том свете в лазарете сочтемся" и др." (Чуковский, с. 560-561). Есть в нем и элементы этнографизма: использование просторечной лексики, диалектизмов.

До начала работы над очерком Некрасов рецензировал "Русские народные сказки" И. Сахарова (ЛГ, 1841, 27 марта, No 35, с. 140), назвав их "неоцененным подарком для русской литературы", а русские песни, предания, пословицы - "хранилищем русской народности" (ПСС, т. IX, с. 10). В то же время им критически оценивались псевдонародные "Воскресные посиделки" В. П. Бурнашева (ЛГ, 1844, 24 февр., No 8, с. 151-153; 11 мая, No 18, с. 311-312). Очевидно, в поле его зрения были и книги И. Снегирева "Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования о русских пословицах и поговорках" (кн. I-IV. М., 1831-1834). Кроме литературных источников молодой Некрасов широко использовал свои наблюдения и знание просторечной лексики различных представителей городской бедноты, приехавших на заработки крестьян, мещан (ср. речь "дворового человека", бывшего учителя, крестьянина Кирьяныча).

Тематически "Петербургские углы" близки ко многим произведениям Некрасова. Отдельные ситуации (изображение мира нищеты, обитателей петербургской ночлежки) встречаются в но опубликованной при жизни поэта "Повести о бедном климе" (1841-1848). Зарисовки характерных народных типов, представителей петербургского "дна", найдут свое дальнейшее развитие в незавершенном романе о Тростникове (посетители трактира, рыжий печник, дворовый человек Егор Харитонич Спиночка). История подрядчика Кирьяныча, лишь намеченная в очерке Некрасова, будет раскрыта

Петербургские углы. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru в этом же романе (глава "История ежовой головы") и найдет аналогию в сюжете стихотворения "Вино" (1858). Автор "записок одного молодого человека", от имени которого ведется повествование в "Петербургских углах", явится центральным героем указанного незавершенного романа и одним из персонажей повести "Тонкий человек, его приключения и наблюдения" (1855).

Сочувственное изображение народа, социальные контрасты Петербурга – темы, ставшие ведущими в творчестве зрелого поэта-демократа, впервые остро прозвучали в "Петербургских углах". Злободневность, социальная заостренность, программность очерка (его соответствие принципам "натуральной школы") обусловили то, что само его название стало в 1840-е гг. своеобразным символом произведений гоголевского направления.

Большинство критических откликов на "Петербургские углы" были связаны с оценкой "физиологии Петербурга" в целом, с полемикой по поводу "натуральной школы" (см.: Мордовченко Н. И. Белинский и русская литература его времени. М.–Л., 1950, с. 213–283). Вскоре после выхода в свет первой части "физиологии Петербурга" Некрасов сам выступил в "Литературной газете" со статьей-рецензией (1845, 5 апр., No 13, с. 229–231), явившейся своеобразным комментарием к сборнику. "Добро пожаловать, книга умная, предпринятая с умною и полезною целью!" – писал автор "Петербургских углов", отмечая в ней кроме литературных достоинств "достоинство правды, весьма важное и даже главное в сочинении такого рода" (ПСС, т. IX, с. 143).

Высокая оценка "Петербургских углов" принадлежала Белинскому, который, по свидетельству А. Я. Панаевой, ознакомился с рассказом еще в рукописи (см.: Панаева, с. 97). Рецензируя первую часть "физиологии Петербурга" (ОЗ, 1845, No 5, отд. VI, с. 16–23), критик назвал лучшими в сборнике "Петербургского дворника" В. И. Даля и "Петербургские углы" Некрасова. ""Петербургские углы" г-на Некрасова, – писал он, – отличаются необыкновенною наблюдательностью и необыкновенным мастерством изложения. Это живая картина особого мира жизни, который не всем известен, но тем не менее существует, – картина, проникнутая мыслию" (Белинский, т. VIII, с. 383). Это же суждение по поводу очерка Некрасова Белинский повторил в рецензии на вторую часть "физиологии Петербурга" ("Статьи "Дворник" и "Петербургские углы" могли бы украсить собою всякое издание") и в статье "Русская литература в 1845 году" ("Особенно замечательны <...> в прозе: "Петербургский дворник" В. И. Луганского, "Петербургские углы" г-на Некрасова" – Белинский, т. IX, с. 217, 391). К "Петербургским углам" Белинский обращался также в статье ""Тарантас". Путевые впечатления. Сочинение графа В. Л. Соллогуба" (1845), где упоминается один из персонажей некрасовского очерка, "зеленый господин", и в обзоре "Взгляд на русскую литературу 1847 года" (1848), где обосновывается правомерность реалистического изображения жизни "в наготе страшной истины" и в качестве примера приводятся некрасовские "углы", "убежище нищеты, отчаяния и разврата" (Белинский, т. X, с. 89, 297).

"Современник" откликнулся на первую часть "физиологии Петербурга" краткой заметкой "Новые сочинения", принадлежавшей, очевидно, П. А. Плетневу. В ней иронически оценивалось направление сборника, обоснованное Белинским во "Вступлении"; помещенные в "физиологии Петербурга" произведения, в том числе и "Петербургские углы", порицались за отсутствие поэтического таланта и "скромную цель". "Если и чисто ученый труд без художественного в литературном отношении таланта редко что-нибудь стоит, что же без него значит труд чисто литературный?" – писал автор заметки (С, 1845, No 5, с. 250–251).

Славянофильская критика в лице К. С. Аксакова выступила главным образом против установки Белинского на "обыкновенные таланты" и их роль в развитии беллетристики. Не называя автора "Петербургских углов" прямо, но имея в виду его, так же как и Белинского, Аксаков писал: ""физиология Петербурга" вполне согласна с требованиями ее издателей – она вполне посредственна...". Всех участников сборника критик оценивал как "писателей посредственных" (М, 1845, No 5 и 6, "Смесь", с. 91–96).

"Библиотека для чтения" О. И. Сенковского не придавала серьезного значения "Петербургским углам", охарактеризовав первую часть "физиологии Петербурга" в целом как "весьма занимательный том юмористических статей с остроумными рисунками Тимма" (БдЧ, 1845, т. 69, No 3–4, "Разные известия", с. 40).

Резким нападкам "Петербургские углы" подверглись со стороны "Северной пчелы". В

Петербургские углы. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru первом же отклике на "физиологию Петербурга" (в фельетоне "журнальная всякая всячина") Булгарин обратил особое внимание на очерк Некрасова, обвинив его в "грязности". Приведя множество обширных выдержек из "Петербургских углов", критик закончил ироническим восклицанием: "Более уж невозможно выписывать <...> Это эстетика, изящное, характеристика Петербурга и петербургского общества! Имя сочинителя, как сказано во введении, ручается за достоинство описания. Чего же более!" (СП, 1845, 7 апр., No 79, с. 314-315).

Булгарина поддержал сотрудник "Северной пчелы" Л. В. Брант, известный своими систематическими выступлениями против "Отечественных записок", Белинского и писателей гоголевского направления. В большой рецензии на первую и вторую части "физиологии Петербурга" (за подписью: "Я. Я. Я.") в трех номерах "Северной пчелы" Брант писал по поводу "Петербургских углов": "Писатель с дарованием, с умом и сердцем, сойдя воображением в это убогое жилище, в этот мрачный нищенский угол, мог бы нарисовать картину грустную, возбуждающую участие, сострадание. Г-н Некрасов, питомец новейшей школы, образованной г-ном Гоголем, школы, которая стыдится чувствительного, патетического, предпочитая сцены грязные, черные, изображает нам другого рода обитателей "углов": хозяйку, какую-то отвратительную старуху; забулдыгу дворового человека, отпущенного по оброку, который беспрестанно давит пауков; хмельную бабу, одержимую бесом; школьного учителя, выгнанного из службы за пьянство и когда-то в молодости писавшего поздравительные стихи милостивцам своим, и тому подобные лица. Не спорим, что они существуют как неизбежные исключения в низшем слое человеческого общества; но должно ли рисовать подробно их жалкую жизнь, и особенно рисовать так, как рисует г-н Некрасов, поставляющий, по-видимому, торжество искусства в картинах грязных и отвратительных". Здесь Брант резко выступил против Некрасова - редактора и организатора сборника, приписав ему и "введение" и тенденциозно намекнув на знакомство с биографией писателя: "Яркость и милые частности описания не позволяют сомневаться, что автор "записок" непосредственно знаком с "углами", изображает их как действительный и очевидец" (СП, 1845, 19 окт., No 236, с. 942, см. также: 17 окт., No 234, с. 934-936; 18 окт., No 235, с. 942-943).

В унисон "Северной пчеле" писал о "Петербургских углах" анонимный критик "Маяка": "'Петербургские углы' - это такая статья нечистая и смрадная, что, прочитавши ее, если у кого достанет столько терпения, невольно скажет о нашей современной литературе... каковы делатели, такова и работа!.." (Маяк, 1845, т. 22, июль, "Новые книги", с. 7-8).

В защиту "Петербургских углов", как произведения характерного для периода становления "натуральной школы", неоднократно выступал Белинский. В рецензии на первую часть "физиологии Петербурга" он писал по поводу нападок "Северной пчелы" на очерк Некрасова: "Упомянутая выше газета выписала из этой статьи три строки и всю статью обвинила в грязности; любопытно было бы нам услышать суждение этой газеты о романе "Счастье лучше богатства", который сооружен совокупными трудами гг. Полевого и Булгарина и напечатан в "Библиотеке для чтения" нынешнего года. Там, видно, все чисто - даже и описание подземных тайн винных откупов..." (Белинский, т. VIII, с. 383).

С Белинским солидаризировался анонимный рецензент "Русского инвалида". Сочувственно оценив общественный пафос "Петербургских углов" ("Особенно замечательны в этом сборнике "Петербургские углы", статья, которая произвела самые разноголосые толки"), критик иронизировал по поводу булгаринских обвинений писателей "натуральной школы" в литературной безнравственности: "По какому-то странному противоречию, люди, по-видимому не слишком щекотливые насчет нравственности в своих делах и поступках, в то же время требуют строгой благопристойности от литературы..." (РИ, 1845, 25 апр., No 89, с. 353-355).

В краткой анонимной рецензии на "физиологию Петербурга" "Финский вестник" также одобрительно отозвался о рассказе Некрасова: "'Петербургские углы' г-на Некрасова и "Петербургская сторона" Е. П. Гребенки полны интереса и живых и забавных рассказов" (Финский вестник, 1845, т. III, "Смесь", с. 37).

"Петербургские углы" вызвали отклики в современной Некрасову художественной литературе. В водевиле П. А. Каратыгина "Натуральная школа" (СПб., 1847, с. 38-39) от имени одного из героев высмеивались художественные принципы писателей гоголевского направления и иронически обыгрывалось название очерка Некрасова:

Мы, мы природы прямые поборники,
Гении задних дворов!
Наши герои бродяги и дворники,
Чернь петербургских углов.

Влияние "Петербургских углов" прослеживается в некоторых произведениях "натуральной школы". "Фиолетовый человек" в повести Я. П. Буткова "Невский проспект, или Путешествия Нестора Залетаева" (1848) напоминает некрасовских "зеленого господина" и "дворового человека". Отдельные мотивы и детали очерка Некрасова находят соответствие в пьесе К. Д. Ефимовича (псевдоним "И. Ралянч") "Отставной театральный музыкант и княгиня" (1846). В подражание Некрасову написан очерк Н. Полякова "Московские углы" (М. вестн., 1859, No 39, с. 484-490). Возможно, с рассказом Некрасова косвенно было связано название романа В. В. Крестовского "Петербургские трущобы" (1864-1867) (ср. также очерки А. И. Левитова "Московские "комнаты снебилью"" (1863), перепечатанные в сборнике "Московские норы и трущобы" (1866)).

С. 333. (Из записок одного молодого человека).- Подзаголовок, характерный для повестей и рассказов 1840-х гг. Ср. у Достоевского: "Рассказы бывалого человека. (Из записок неизвестного). I. Отставной. II. Честный вор" (ОЗ, 1848, No 4), "Елка и свадьба. (Из записок неизвестного)" (ОЗ, 1848, N° 9). Возможно, он был навеян аналогичным названием автобиографической повести А. И. Герцена "Из записок одного молодого человека" (ОЗ, 1840, No 12; 1841, No 8).

С. 333. Ат даеца, внаймы угал ~ спрасить квартирной хозяйке Акулины Федотовне.- Ср. с аналогичным объявлением ("ярлыком", "билетом", по фразеологии некрасовского времени) в водевиле П. А. Каратыгина "Дом на Петербургской стороне, или, Искусство не платить за квартиру" (переделка французского водевиля Н. Вожьена и П. Деланда; первая постановка в Петербурге - 25 апреля 1838 г.): "Въ сем доме одаеца чистый новый покой, а цена спросить в лавочке, с хозяйскими дровами" (РиП, 1843, No 2). В повести Я. П. Буткова "Темный человек" безграмотность вывески особенно утрируется: "Сдесь атпускают кушинье и нумера сдравами ивадой а каму угодно и! састалом ибесонова! а цене спрасить в Клеопатре Артемовне!" (ОЗ, 1848, No 4, отд. I, с. 228).

С. 333. Дом, на двор которого я вошел ~ у растворенных окон и пели.- Описание дома ассоциативно связано с гоголевским "домом Зверкова" в "Записках сумасшедшего" (1835). Ср. также с соответственной зарисовкой в рассказе М. Воскресенского "Замоскворецкие Тереза и Фальдони": "Дом этот снизу доверху набит, как Ноев ковчег, разнородными обитателями. Тут живут по найму и мелкие торговцы, и писари из губернского правления, и модная портниха, и бухарец с походной лавочкой, и чистильщик кружев, и пятновыводчики, одним словом, не перечтешь всех..." (ЛГ, 1843, 14 февр., No 7, с. 128).

С. 333. ...делают троур и гробы и на прокат отпускают; медную и лудят; из иностранцев Трофимов ~ самовар с изломанной ручкой, мундир.- Комические вывески, перекликающиеся с гоголевскими в "Мертвых душах" (1842): "Попадались почти смытые дождем вывески с кренделями и сапогами, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазин с картузами, фуражками и надписью: "Иностранец Василий Федоров"; где нарисован был билиярт с двумя игроками во фраках, в какие одеваются у нас на театрах гости, входящие в последнем акте на сцену. Игроки были изображены с прицелившимися киями, несколько вывороченными назад руками и косыми ногами, только что сделавшими на воздухе антраша. Под всем этим было написано: "И вот заведение"" (Гоголь, т. VI, с. И; см. также: Чуковский, с. 80). Ср. в повести Д. В. Григоровича "Капельмейстер Сусликов": "Госпожа Труттру из Парижа, Modes", с прибавлением внизу русскими буквами: "Нувоте", где упоминается также трактир, на котором была вывеска с надписью: "Trakteur" (С, 1848, No 12, отд. I, с. 267-277). Ассоциацию с "Петербургскими углами" вызывает и описание вывески в повести Я. П. Буткова "Темный человек": "Трафим Кренделеф грабы делает идроги атпускает сатвечающим трауром" (ОЗ, 1848, No 4, отд. I, с. 228). См. также: Кулешов В. И. Натуральная

Петербургские углы. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
школа в русской литературе. М., 1965, с. 266-267.

С. 333-334. ...в самых воротах стояла лужа ~ величественно впадала в помойную яму...- описание, ассоциативно связанное с "миргородской лужей" в "Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем" Гоголя (1834).

С. 334. Полно, барыня, не сердись, Вымой рожу, не ленись! - отрывок из русской народной плясовой песни "Барыня", входившей в многочисленные песенники XIX в.

С. 335. Когда я жила в Данилове... весь Даниловский уезд знает...- Город Данилов Даниловского уезда Ярославской губернии упоминается также в черновой рукописи "Кому на Руси жить хорошо" ("Крестьянка", глава "Савелий, богатырь святорусский"): "Потом острог в Данилове..." (см.: наст. изд., т. V, с. 435).

С. 335. ...жаловаться квартальному надзирателю...- т. е. полицейскому, под надзором которого находился городской квартал.

С. 336. ...голицы...- кожаные рукавицы без подкладки.

С. 336. ...я душеньке враг, что ли, своей,- говорит,- паука увижу да не раздавлю".- Народная примета: паука убьешь, сорок грехов простятся.

С. 337. ...механик какой-нибудь...- Здесь в значении: жулик, мошенник.

С. 339. ...здесь и побывшился...- Побывшиться - в восточных великорусских говорах (на владимирщине) в значении; умереть, скончаться, издохнуть, околеть (Даль, т. III, с. 138).

С. 339. ...вышло решение ~ распустить по оброку...- Распустить по оброку - отпустить из деревни на заработки, из которых уплачивался оброк.

С. 339. ...махнул... водой на сомине...- Сомина, соминка - речное судно, управляемое шестью (Даль, т. IV, с. 269).

С. 340. ...бобы разводить...- Здесь: канителиться, вести пустые разговоры.

С. 340. На полштофчика, разогнать грусть-тоску...- См. комментарий на с. 557.

С. 341. ...голь саратовская?)- Выражение встречается также в "Сказке о царевне Ясносвете" (1840) (см.: наст. изд., т. I, с. 353).

С. 341. ...к кухмистеру сбегать...- Кухмистер - владелец небольшого ресторана.

С. 341. ...и ну по комнате с пугалом прыгать...- Сходный мотив использован Некрасовым в "Говоруне" (1843-1845) (см.: наст. изд., т. I, с. 390).

С. 341. ...частный знакомый и надзиратели приятели...- Частный пристав - начальник полицейского участка; участковые надзиратели - мелкие полицейские чиновники (см. также комментарий на с. 589).

С. 341. Развязывай мошну-то.- Мошна - кошель, сумка с завязками.

С. 343. В понедельник Савка мельник ~ В воскресенье Савка пан - Целый день как стелька пьян.- Эти стихи, распеваемые дворовым человеком, могут быть сопоставлены с песней "Пахомушка" из черновой рукописи "Кому на Руси жить хорошо" (глава "Пир на весь мир") - см.: наст. изд., т. V, с. 533. Они имеют фольклорную основу (ср. с юмористическими народными песенками о днях недоли: "В понедельник я влюбился, А весь вторник прострадал..." - Полный новейший песенник в тринадцати частях, собранный М. Гурьяновым, ч. 9. М., 1835, с. 111).

С. 343. ...в комнату вошел полуштоф, заткнутый человеческою головой вместо пробки...- "Заткнутый (в рукописных материалах - "закупоренный") человеческою головой вместо пробки..." - сатирический троп, имеющий несомненную аналогию в "Записках сумасшедшего" Гоголя: "Он пробка, а не директор. Пробка обыкновенная, простая пробка, больше ничего. Вот которую закупоривают бутылки" (Гоголь, т. III, с. 209). Аналогичное выражение встречается у Некрасова в "Летописи русского театра. Апрель, май (1841)": "старичок с физиономией, напоминающей пустую бутылку" (ПСС, т. IX, с. 467).

С. 343-347. Между людьми, которых зовут пьющими ~ немудрено, что зеленый господин и действительно писал стихи...- Ср. очерк Булгарина "Русская ресторация", герой которого также "был некогда учителем, даже сочинял что-то, но таланта его не уважили, и он с горя спился с кругом... Прежде пивал запоем, а теперь пьет без просыпу!" (Булгарин Ф. В. Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. СПб., 1843, с. 44). Однако эти внешние совпадения не дают оснований говорить о заимствовании, так как "бывший сочинитель", "спившийся бедняк", деклассированный интеллигент - образы, вообще чрезвычайно характерные для физиологических очерков 1840-х гг. История "зеленого господина" найдет свое дальнейшее развитие в романе о Тростникове (бывший учитель семинарии Григорий Андреевич Огулов) - см.: наст. изд., т. VIII.

С. 343. Пеперменты - средство от кашля.

С. 344. ..."Богоявленский питейный дом".- Название питейного дома объясняется его местоположением поблизости от Морского Богоявленского Никольского собора, находившегося в Петербурге на Никольской площади (ныне пл. Коммунаров) рядом с Никольским рынком (см.: Пушкарев И. Путеводитель по Санкт-Петербургу и окрестностям его. СПб., 1843, с. 180-182).

С. 345-346. Ты, брат, со мной не шути! ~ один палец, брат, восемьсот рублей стоил.- Рассказ "зеленого господина" перекликается с монологом Хлестакова в "Ревизоре": "С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики... С Пушкиным на дружеской ноге <...> На столе, например, арбуз - в семьсот рублей арбуз" (Гоголь, т. IV, с. 48-50). См. также: Кулешов В. И. Натуральная школа в русской литературе, с. 268.

С. 345. Действительный, брат, и кавалер...- Действительный тайный советник - чин первого и второго (высших) классов. См. также комментарий на с. 571.

С. 345. ...с Измайловым был знаком...- А. Е. Измайлов (1779- 1831) - баснописец, прозаик, журналист; как баснописец пользовался у современников большой известностью.

С. 345. У Яковлева на постоянном жительстве проживал... ~ и обедали, и водку-то пили...- Возможно, имеется в виду А. А. Яковлев (1762-1825), в 1803 г. обер-прокурор св. Синода, автор "Записок бывшего в 1803 г. обер-прокурором св. Синода", изданных позднее (М., 1915). Не исключено, что мог упоминаться живший в те годы М. А. Яковлев (1798-1853), литератор, водевилист, театральный рецензент, сотрудник "Северной пчелы", "Литературных прибавлений к "Русскому инвалиду"", "Библиотеки для чтения", с 1841 по 1842 г. редактор "Репертуара русского театра". В водевиле П. А. Каратыгина "Горе без ума" (1831) он был изображен в непривлекательном виде; современникам была известна эпиграмма на него:

Михайло Яковлев без споров

Достоин всякой похвалы -

Гроза бутылок и актеров

И трутень "Северной пчелы"

(см.: П. З. Пятидесятилетие со

дня смерти первого русского

рецензента.- НВ, 1911,

19 июля. No 12697).

С. 345. ...по пяти рублей ~ по пяти пощечин на день...- Цитата из комедии Д. И. Фонвизина "Недоросль" (1783), слова Еремеевны в ответ на вопрос Кутейкина: "А велика ли благостыня?" (д. II, явл. 6).

С. 347. ...в русском государстве все пишут или писали стихи...- Некрасов

Петербургские углы. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru иронизировал по поводу "стихотворной горячки" в рецензии "Пять стихотворений Н. Ступина" (ЛГ, 1842, 15 февр., No 7, с. 144-146). Ср. с аналогичным высказыванием В. Г. Белинского в статье "Русская литература в 1845 году": "Писать стихи, даже порядочные, в наше время ничего не стоит, и в этом отношении "поэтов" у нас несметные легионы – тьмы тем" (Белинский, т. IX, с. 392).

С. 347. ...русская литература началась с хвалебных гимнов на разные торжественные случаи...– Ср. с аналогичным высказыванием Белинского в статье первой "Сочинения Александра Пушкина" (ОЗ, 1843, No 4): "Идея поэзии была выписана в Россию по почте из Европы и явилась у нас как заморское нововведение. Ее понимали как искусство слагать вирши на разные торжественные случаи. Тредьяковский был привилегированным придворным пиитой и "воспевал" даже балы и маскарады придворные, словно как государственные события. Ломоносов, первый русский поэт, тоже понимал поэзию как "воспевание" торжественных случаев, и первая ода его (и в то же время первое русское стихотворение, написанное правильным размером) было песню на взятие русскими войсками Хотина" (Белинский, т. VII, с. 107).

С. 347-348. Известен анекдот о Тредьяковском, которого Вольтер собственноручно наказал ~ не изготавил оды на какой-то придворный праздник.– В. К. Тредиаковский (1703-1768) – русский писатель; А. П. Вольтер (1689-1740) – государственный деятель, дипломат, с 1738 г. кабинет-министр императрицы Анны Иоанновны, противник "бироновщины". Имеется в виду широко бытовавший в литературных кругах эпизод о наказании, которому подвергся по приказанию А. П. Вольтерского Тредиаковский за попытку последнего пожаловаться на него Бирону (см.: Пекарский П. П. Жизнеописание В. К. Тредиаковского.– В кн.: Пекарский П. П. История Академии наук в Петербурге, т. 2. СПб., 1873, с. 77-83). Этот эпизод мог быть известен Некрасову из статьи Белинского "Русский театр в Петербурге. "Ломоносов, или Жизнь в поэзии"" (ОЗ, 1843, No 3; Белинский, т. VII, с. 16). Приводится он и в книге Ф. В. Булгарина "Комары. Всякая всячина. Рой первый" (СПб., 1842, с. 16). Анекдот о Тредиаковском Белинский цитирует по "Запискам" Пушкина, опубликованным в "Северных цветах на 1827 год" (с. 112).

С. 348. Поэт Петров официально состоял при Потемкине ~ в обозе действующей армии.– В. П. Петров (1736-1799), автор хвалебных од и посланий Екатерине II, Г. Г. Орлову, Г. А. Потемкину. За "Оду на карусель" получил от Екатерины II табакерку с 200 червонцами. С 1768 г. находился в дружеских отношениях с фаворитом Екатерины II Г. А. Потемкиным. Во время русско-турецкой войны Потемкин вел переписку с императрицей через В. П. Петрова, исполнявшего должность чтеца и переводчика при Екатерине II (см.: Поэты XVIII века, т. I. Л., 1972, с. 319-320).

С. 348. В начале XIX столетия этот род литературы начал заметно упадать ~ всё было лучше, чем теперь.– Ср. высказывание Белинского в статье "Русская литература в 1844 году": "На Руси еще не вывелись люди, которые <...> со вздохом вспоминают о пудре, о косах с кошельками, о висках а la pignon, о шитых кафтанах, о шляпах-корабликах <...> о пирах, о "Петриаде" Ломоносова, трагедиях Сумарокова, "Россиаде" Хераскова, "Душеньке" Богдановича, одах Петрова и Державина и обо всей этой поэзии, столь плодovitой, столь громкой, столь однообразной, некогда возбуждавшей такое благоговейное удивление, а теперь известной большей частью только по воспоминаниям, по преданию и по слухам" (ОЗ, 1845, No 1; Белинский, т. VIII, с. 431).

С. 349. ...сказал голосом, который очень бы шел Манфреду, просившему у неба забвения...– Ср. драматическую поэму Д.-Г. Байрона "Манфред" (1817, рус. пер. 1828): "Седьмой дух, все семь духов Манфреду: Скажи же, чего ты, сын смертных, хочешь от нас? Манфред: Забвения" (д. I, сцена 1).

С. 350. Лет пятнадцати не боле ~ Не кладите под кровать.– Ср. с песней, входившей в состав рукописных песенников XVIII в. и многочисленных печатных песенников начала XIX в. (см., например: Песни, романсы и куплеты из водевилей. М., 1833; Полный новейший песенник в тринадцати частях, собранный И. Гурьяновым, ч. 12. М., 1835; Карманный песенник. СПб., 1841 и др.):

Лет пятнадцати не боле

Лиза погулять пошла,

Петербургские углы. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
и, гуляя в чистом поле,

Птичек гнездышко нашла.

С. 351. "Северная пчела" – см. комментарий на с. 550–551.

С. 351. Mein lieber Augustin, Allen ist weg! – начальные строки популярного в России в XIX в. немецкого романса в ритме вальса, нередко упоминавшегося как образец пошлых слов и мотива. См., например: Дружинин А. В. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике (1850). – В кн.: Дружинин А. В. Собр. соч., т. 6. СПб., 1865, с. 293; ср. "гаденькие звуки", "гаденький вальс" в "Бесах" (1870–1871) (Достоевский, т. XII, с. 251–252).

С. 352. ...пряничная форма! ~ метко выражается русский человек.) – Пряничная форма – доска с вырезными узорами (см.: Даль, т. III, с. 533). Перефразированная цитата из "Мертвых душ" Гоголя: "Выражается сильно русский народ!" (Гоголь, т. VI, с. 108).

С. 353. Федотовна – баба добрая ~ хоть кого окальяхит...– Содержательница "углов" Федотовна встречается в "Повести о бедном климе", есть подобный персонаж и в романе о Тростникове (Дурандиха). Окальяхить, т. е. обмануть, надуть, – слово, бытовавшее во Владимирской губернии (см.: Даль, т. II, с. 661).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nekrasovnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!